

КОРЯКСКИЙ писатель Владимир Косыгин (Коянто), ныне слушатель двухгодичных высших литературных курсов в Москве, приехал в Палану навестить родных. Несмотря на то, что я живу с Косыгиным по соседству, застать его на квартире оказалось делом нелегким. То он с самого ранне-

ЖИВЕТ В СЕЛЕ

ИНТЕЛЛИГЕНТ

● Диалог с писателем

го утра ушел к оленеводам местного совхоза, то целый день провел с корякским национальным ансамблем «Мэнго», то читал свои стихи в сельском профтехучилище. И так ежедневно — встречи, поездки, выступления.

— И это называется свободное время? — спросил я у Владимира Владимировича.

В ответ он весело продекларировал Маршана:

Мы знаем — время
растяжимо.

Оно зависит от того,
Какого рода содержимым
Вы наполняете его.

Приглашаю писателя к разговору о призвании сельской интеллигенции, о ее роли в духовной жизни села.

ПО-МОЕМУ, интеллигентность заключается в том, насколько взгляды и убеждения человека, его поступки полезны обществу, народу. В какой мере они подчинены, соответствуют высоким идеалам свободы, мира, равенства и братства всех трудящихся, — ответил Косыгин. — Я недавно перечитал воспоминания о замечательном человеке коммунисте Юлиусе Фучике и нахожусь под впечатлением его обаятельного образа. Хочу сказать, что именно такой тип человека представляется мне подлинно интеллигентным.

— А кого из своих земляков вы назвали бы интеллигентными в самом высоком понимании этого слова?

— До сих пор при слове «интеллигент» в моем представлении встает моя первая учительница А. Г. Коновалова, человек большой внут-

ренней культуры, всесторонне образованный. Это оказывало большое влияние на нас, учеников. Позднее в связи с болезнью она переехала в Горьковскую область и, естественно, о мальчишке-первоклашке из глухого камчатского села могла забыть. Но однажды по Всесоюзному радио передали мои стихи. Учительница вспомнила своего ученика и прислала мне в Ленинград, где я тогда учился в институте имени Герцена, теплое письмо и свою фотографию. Я увидел на снимке такую же Антонину Григорьевну, какой она запомнилась в детстве. И мне захотелось пригласить ее в Ленинград, привести в мой институт, чтобы друзья увидели мою первую учительницу, чтобы они позавидовали мне, чтобы, наконец, позаимствовали у нее то самое, что называем интеллигентностью.

И таких людей на моем пути, к счастью, встречалось немало — высокообразованных, увлеченных, принципиальных. Вот учительница Д. П. Правоторова из села Караги, награжденная за свой самоотверженный труд орденом Ленина. В Паланской школе-интернате работает воспитательницей В. И. Кавав, человек глубоко интеллигентный в самом высоком смысле этого слова. А сколько души вложила в дело воспитания корякских детей в Тиличихах, Култуш-

ном, Олюторке учительница Т. А. Волкова!

— Владимир Владимирович, как вы относитесь к утверждению, что призванием интеллигенции в первую очередь является умственный характер труда?

— В моей последней повести «Верхние люди подождут» действует много оленеводов, прототипами которых являются реальные люди корякской тундры. По своим убеждениям, по внутренней культуре, по взаимоотношениям между собой они ничем не отличаются от врачей, учителей или инженеров. Среди них я могу назвать своих приятелей из Седанки, где я около трех лет работал в Красной яранге. Это оленеводы Иттек, Туликов, Кегай, Кегеляп, Акеев. Впрочем, кое-кому из представителей умственного труда надо еще тянуться в смысле подлинной интеллигентности до уровня передовых рабочих и колхозников.

— Что вы имеете в виду?

— Да то, что, по существу, еще нередки случаи, когда этаким «интеллигент» ставит свое «я» выше общественных интересов. Неприятно, но приходится говорить и о таких болезненных явлениях, как мелкие ссоры, ненормальные взаимоотношения между отдельными людьми. Товарищеская критика и правильное реагирование на нее, на мой взгляд, — важный признак подлинной интеллигентности...

— Вы могли бы привести конкретный пример?

— В совхозе «Паланский» на одном из партийных собраний очень крепко критиковали за ошибки в работе оленевода Эвкумье Кихляпа. Вопрос стоял об освобождении его от должности звеньеводного. Кихляп сумел в корне пересмотреть стиль своей работы, по-партийному воспринял критические замечания и в прошедшем году по сдаче мяса государству, его производству вышел на первое место в совхозе. И отношения Кихляпа с критиковавшими его товарищами ничуть не испортились. Во-

обще я скажу: Эвкумье Эвкумьевич — один из тех, кто личным примером, добрым советом помогает людям перестроить быт. Словом, настоящий сельский интеллигент. В своих повестях, рассказах я и стараюсь показать таких людей, которые дарят сокровища своей души другим. Таковы, например, герои повестей «Лач» и «Фриц», над которыми я сейчас работаю. Прообразами моих героев послужили конкретные люди: широко известная на Камчатке деятельница культуры Т. П. Лукашкина из Тиличик и врач немец по национальности, длительное время живший в Ивашке.

— Интересно было бы узнать о ваших творческих планах.

— Минувший год, год XXV съезда партии, был для меня как никогда «урожайным»: в издательстве «Современник» вышла книга «Верхние люди подождут», куда вошли две повести; напечатаны рассказы в переводе на французский, японский, чешский языки, опубликованы стихи в переводе на украинский и белорусский языки. В журнале «Полярная звезда» появилась поэма «Последний выстрел», в журналах «Литературное обозрение», «Вопросы литературы», «Книжное обозрение» — положительные рецензии на мою работу. Сейчас готовлю к изданию книгу, куда, кроме названных повестей «Лач» и «Фриц», войдут рассказы. Планирую написать и о своих сегодняшних товарищах по литературным курсам, людях высокой эрудиции, горячо влюбленных в литературу. Самое главное — хочется, чтобы читатели, познакомившись с этими книгами, сказали о моих героях словами Фучика: «Благодаря им интересы людей стали шире, характеры чище, отношения мягче...»

А. ЧЕРКАЩЕНКО,
наш соб. корр.

п. Палана.